

Пэй Цун очнулся от ледящего до костей холода.

В ушах выл пронизывающий ветер. По старой привычке он мгновенно принял оборонительную стойку, но, сделав вдох, замер.

Это было не его тело.

Его настоящее тело давно уже ничего не чувствовало из-за чудовищного генетического загрязнения, каждый вдох был похож на удар осколком стекла по горлу. Боль была, но запахов он не чувствовал.

А сейчас Пэй Цун отчётливо слышал в воздухе запах гнили: сырой земли, ржавого железа, влаги после дождя и густой, приторно-сладкий запах крови.

От этого у него зачесались зубы, возникла странная оскомина.

Пэй Цун приподнялся. Рваные раны, покрытые запекшейся кровью и грязью, почернели по краям, что было явным признаком загрязнения.

Пространство вокруг исказилось, донесся до него незнакомые вибрации.

Дыхание, которое то учащалось, то прерывалось. Шаги – лёгкие, медленные, словно кто-то шлёпал по гнилой жиже.

Кончик уха Пэй Цуна едва заметно дрогнул. Столь острый слух, помноженный на внезапно нахлынувшую жажду крови, быстро помог ему осознать очевидное:

Это тело принадлежит носителю загрязнения «летучая мышь».

Их было трое. На расстоянии не больше тридцати метров.

Три тени медленно приближались, выжидая, проверяя, действительно ли он потерял способность двигаться.

— ...И вправду калека? Не может быть... Он же псих, загрязненный одним геном! Одним! Даже охотники за генами к таким не суются.

— А ты разве не видишь? У него позвоночник перебит, с такой травмой если и выживет, то станет самой настоящей никчемностью.

— У него наверняка есть что-то стоящее. Шевелись, а то, если опоздаем, нам ничего не достанется.

— Не торопись. Этот псих всегда был хитер, вдруг прикидывается? Тогда от нас и косточек не останется.

Пэй Цун медленно поднялся на ноги.

Позвоночник издал сухой щелчок, но движение вышло плавным, исполненным ленивой уверенности.

За спиной негромко расправились кожистые перепонки крыльев. Будто развернулся кровавый занавес, а его тень, искажённая и огромная, поползла по земле.

У всех троих лица моментально побелели.

Предводитель, мужик с железным клыком вместо зуба и одним глазом, инстинктивно отшатнулся, его единственный глаз заметался в панике, выискивая путь для бегства.

В своей прошлой жизни Пэй Цун успел заработать себе дурную славу. Его грабили неисчислимое количество раз, так что с такими мелкими сошками он управлялся легко и непринуждённо.

У толстяка слева в рукаве спрятан шприц с паралитиком, у тощего справа в каблуке – пружинный нож. Ну а главарь...

Его взгляд скользнул по раздувшейся правой руке бандита.

«Тц. Паразитический механический протез. Модель такая древняя, что музей по ней плачет.»

Запах крови в воздухе стал гуще.

Пэй Цун рванул стремительно. Перепонка крыла рассекла воздух, костяной шип на его конце пронзил глотку одноглазого.

Прежде чем успела брызнуть купля крови, человек рухнул замертво, глаза остекленели и выпучились, словно у тухлой рыбыны.

Второй дико рванул в сторону, выронив из рук монтировку. Та с грохотом ударилась о металл.

— Тссс, — Пэй Цун поднёс палец к губам. — Не шуми. Ты меня пугаешь.

Он не врал. Чуткий слух летучей мыши делал визг и любые резкие звуки для него невыносимыми.

В прошлой жизни Пэй Цун тоже получил гены летучей мыши.

Федерация, воспользовавшись его временной слабостью, устроила засаду. Но они наделали слишком много шума. Пэй Цун не сдержался и вырезал весь звёздный экипаж.

Новые крылья изрешетило взрывами, и ему пришлось две недели в одиночку пилотировать корабль обратно.

Тяжёлые раны этого тела слегка замедлили его реакцию. На долю секунды он замедлился, и клинок противника вошёл ему в бок, выпустив из разреза струйку крови.

Пэй Цун взглянул на рану, но даже бровью не повёл, и быстрым движением распорол глотку нападавшему. Пальцы того бессильно вцепились в край его одежды, в глазах застыли отчаяние и непонимание.

— Хех...

Третий уже сидел на земле, обмякнув от страха. Энергетический кинжал выпал из его руки в грязь. Вся его физиономия была залита потом, губы побелели, а во взгляде читалась лишь животная мольба о жизни.

— Не... не убивай... У меня есть лекарства, еда...

Голос его дрожал, пробиваясь сквозь стук зубов.

— Лекарства?

— Всё... я всё отдам... умоляю...

— Ты же... загрязненный... одним геном, да? У меня тут препарат для генного отделения... используешь и сможешь попасть в безопасную зону Федерации...

Пэй Цун присел на корточки, сравнившись с ним по уровню, и начал неторопливо вертеть в пальцах окровавленный кинжал. Лезвие отсвечивало холодным блеском.

Клинок вошёл в глазницу. Запястье провернулось.

Гены летучей мыши обострили его восприятие до болезненной чуткости. Он отчётливо услышал, как хрустнула кость.

Кровь, смешавшись с белой мозговой жидкостью, медленно вытекла, забрызгав землю.

«Теперь стало потише.»

Пэй Цун наконец окончательно убедился: это «перемещение во времени» - не ловушка Федерации.

Настоящие киллеры оттуда не были бы настолько тупы, чтобы пользоваться оружием десятилетней давности. Он узнал эту модель - самое популярное орудие для грабежей на чёрном рынке как раз лет десять назад, и патроны в ней обычно начиняли кустарным анестетиком.

Второго такой дыры во вселенной больше не найдёшь.

Планета Мусора.

Пэй Цун неспешно поднялся, его взгляд скользнул по телам, и на лице мелькнула тень раздражения.

Эти трое были слабаками, и на их запястьях не было даже базового терминала - символа личности. Получается, у них даже имён не было. И они так просто бесславно скончались здесь, на планете Мусора.

Пэй Цун не любил убивать безымянных. Но эти трое ничего не могли сделать с медленно поднимавшейся в нём волной жажды убийства.

Он вытащил из плоти одного из тел трёхгранный стилет. На отполированной поверхности лезвия отразилось незнакомое лицо с бледной кожей, под которой пульсировали какие-то тёмные узоры.

И оно показалось ему знакомым.

В прошлой жизни он убил на планете Мусора несчётное число людей и к концу дошёл до того, что запоминал лишь облик трупов.

Вороха раздавленных внутренностей сливались в единую кровавую массу, помогая ему выстраивать путь к безопасности; путь, мощённый костями.

Но сейчас, это целое лицо... он его помнил. А значит, он откатился назад во времени как минимум на десять лет.

Он стряхнул с перепонки крыльев кусочек гниющей плоти и привычным движением убрал их, вместе с заострёнными костями и чуткими ушами, снова приняв полностью человеческий облик.

Кровь медленно стекала по животу. Пэй Цун вытащил кинжал из раны, даже не попытавшись её обработать. Он не стал стирать кровь и с рук, лишь вытер их о штаны, оставив бледные размазанные следы.

Под кожей зашевелились ткани, и из разрезов выползла прозрачная плёнка, закрыла раны и затянута гладкой кожей.

Под ней пульсировали синеватые следы радиации, проступали призрачные очертания генной цепочки.

Загрязнение одним геном. На планете Мусора это уже можно считать приличным статусом.

Это тело было куда крепче того, что было в его прошлой жизни.

Пэй Цун прекрасно знал: на этих землях, которые даже звёздные карты ленятся отмечать, сохранение человеческого облика уже было удачей.

Обыскав карманы прежнего владельца тела, он нашёл две ампулы регенерата. Обшарив три трупа, он не нашёл стабилизатора генов.

Видимо, генетика у этого тела и вправду была стабильной, раз он не запасался этой спасительной дрянью.

Вот в чём преимущество загрязнённых одним геном.

Его прежнее тело нуждалось практически в ежедневных «ваннах» со стабилизатором, иначе человеческий облик не удержат.

Пэй Цун приставил иглу к сонной артерии и уверенно ввёл препарат, ожидая, когда тот подействует.

Происхождение планеты Мусора было занятным.

Пятьдесят лет назад, в попытке противостоять нашествию насекомоподобных существ (далее - зерги), Федерация запустила программу «Генного скачка», в рамках которой в людей вживлялись доминантные гены животных.

Первые «эволюционеры» могли голыми руками разрывать металл и стали становым хребтом армии. Человечество ликовало, восхваляя их как дар самой природы.

До того самого дождливого вечера, когда у первых эволюционеров лопнули глазные яблоки, а позвоночники прорвали кожу, превратившись в сегментированные конечности-клинки. Они стали безмозглыми машинами для убийств, начисто утратив человеческий облик.

Зерги, словно демоны из легенд, явились с большим шумом... и ретировались с человеческих территорий, поджав хвосты.

Что поделать.

Люди стали пострашнее их самих.

Война между Федерацией и зергами выжгла всю галактику, а планета Мусора стала братской могилой для павших людей и «загрязненных».

Большинство обитателей планеты Мусора – изгнанные носители генетического загрязнения.

Их предки, возможно, были законными гражданами славной Федерации, офицерами, врачами... Они пошли на рискованные генетические эксперименты, чтобы защитить свои дома, свои семьи.

Но из-за нестабильности генной последовательности постепенно превратились в «чужаков».

Чтобы сохранить «чистоту» генома, Федерация ввела жестокую политику изоляции, изгнав серьёзно «загрязненных» вместе с их потомками на планету Мусора, отрезав им всякую возможность вернуться.

На планете Мусора каждого новорождённого отправляют на проверку. Прошедших отбор оставляют в главном городе и выдают сертификат Федерации.

Люди с легким загрязнением – это носители одного-двух чужих генов. Их физические показатели заметно улучшены, могут проявляться слабые звериные черты: глаза, ногти, кожа с чешуйками или шерстью.

Умеренно загрязненные – носители трёх-четырёх генов. Животные черты выражены явно: хвосты, рога, неконтролируемые звериные повадки вроде желания кусаться, сворачиваться клубком, охотиться.

Такие люди составляют основную массу населения планеты Мусора. В них смешалась животная дикость, но они не утратили способности к размножению.

Что касается тяжело загрязненных... Их изгоняют за пределы главного города, и они борются за выживание в радиационных зонах.

Генное загрязнение пробуждается по мере роста. Они постепенно полностью теряют человеческий облик, передвигаются на четвереньках, как звери, теряют дар речи и рассудок. Их зовут «чудовищами».

Долго они не живут и, пока ещё в сознании, обычно накладывают на себя руки.

Даже жители планеты Мусора сторонятся их, обычно стоня в загрязненные зоны на произвол судьбы.

Загрязнение одним геном... Должно бы хватить, чтобы это тело жило припеваючи, как господин, в главном городе планеты Мусора.

Однако Пэй Цун взглянул на своё запястье.

Пустота свидетельствовала о том, что хозяин этого тела тоже являлся незарегистрированным лицом и не имел личность.

Вспомнив слова того мелкого бандита, он задумался, кем же был прежний хозяин тела.

«Наёмный убийца? Охотник за генами?»

«Мятежный молодой господин из главного города?»

«Мощный наёмник?»

«Что он забыл в загрязнённой зоне, вместо того чтобы сидеть в главном городе?»

«Кто его убил?»

Пэй Цун позволил токсинам и радиации просачиваться в тело через открытые раны. Он совершенно не беспокоился о своих травмах, даже с каким-то ожиданием поглядывал, как долго это тело продержится.

Ему было интересно посмотреть, насколько сильно отличается выносливость «благородного» загрязненного одним геном от его прежнего тела, этого получеловека-полудемона.

В прошлой жизни Пэй Цун, будучи одним из самых тяжело загрязненных, пробился с самых низов планеты Мусора, утопая в грязи и крови. Воровал, грабил, прокладывая путь костями, чтобы выбраться с этой проклятой планеты.

Но даже взобравшись на самый верх, подчинив себе самые грозные силы галактики, Федерация так и не приняла его. Они лишь использовали его, боялись и пытались устранить этого неконтролируемого «изгоя».

В конце концов, Пэй Цун пал от предательства союзника.

Федерация устроила облаву. В одиночку он взорвал исследовательский центр, утянув с собой на тот свет всех врагов. Звёзды окрасились багрянцем, и смерть его была ужасной.

До самого конца Пэй Цун для Федерации оставался лишь «чудовищем» в розыскных листах.

Он и представить не мог, что судьба сыграет с ним такую шутку, дав шанс начать всё заново, в эпоху, когда ещё можно всё изменить.

Шанс перевернуть игру.

Пэй Цун прищурился, сенсорные волоски на перепонках крыльев мелко задрожали.

Из кучи обломков механизмов вдалеке донёсся предсмертный вопль загрязненного, смешавшийся с влажным звуком разрываемой плоти.

Он учуял нечто куда более заманчивое, чем кровь.

Запах необузданной, опасной, юной дикой твари.

<http://bllate.org/book/14659/1301648>